

Андрей Бычков

Люди на земле

Часть сборника
Гулливёр и его любовь (сборник)

Андрей Бычков

Люди на земле

«Автор»

Бычков А.

Люди на земле / А. Бычков — «Автор»,

ISBN 978-5-457-12041-9

«Не зная, кто он, он обычно избегал, он думал, что спасение в предметах, и иногда, когда не видел никто, он останавливался, овеществляясь, шепча: „Как предметы, как коробки, как корабли...“».

ISBN 978-5-457-12041-9

© Бычков А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Андрей Бычков

Люди на земле

И вот, как бы присаживаясь, словно присаживаясь, а то будто присаживаясь над ним, была Организация. И Организация не оставляла ему пространства. Казалось, что прилипают к лицу, не давая дышать.

Пространство – это упругое молчание, взгляд в сторону, только бы не слышать и тогда увидеть резину или там, скажем, коробки из-под учебников «Русской литературы», не слушая их, Организацию, не понимая и улыбаясь кротко, ведь велосипеды, которые провозит мимо машина, новые велосипеды с отслоившейся от масла рам бумагой, флажкостой бумагой на ветру... Он хотел быть велосипедами или коробками.

Но иногда и они, люди, высверкивали случайные: «Хочешь „Пегас“?» Или: «Как пройти?»

Не зная, кто он, он обычно избегал, он думал, что спасение в предметах, и иногда, когда не видел никто, он останавливался, овеществляясь, шепча: «Как предметы, как коробки, как корабли...»

Но Организация искала именно его, он знал, он пытался избегать, не грести («ДОСААФ»), был не прав, не прав... А Она принимала разные формы. Был оперный клуб, где пели ртами про смерть и усмехались в усы (женщины и мужчины), а то – гараж с взвизгивающими мотопилами и механики, кричащие на звук, налаживающие (ему они были близки с пилами, но без пил – хоккей, и по трансляции – радио – утренняя физзарядка, позже удобно и в пластик переодетая аэробикой).

Он бежал, бежал...

Не слова, а власть других через слова, не быть добрым, не быть добрым, он улыбался...

Через взвизги пил надежда – в пилах, в пилах. Не было сил, он оставался.

Кто-то рассказывал про любовь... Но слово было как бы или будто, словно с переводной картинки – слюнявить, снимать, осторожно подцепляя ногтем, как старую кожу. Он знал когда-то, ради чего каждый день, он знал, но забыл, остался, пробовал снова через разврат, но – возникала Организация. Магазины и их продавцы, транспорт, официанты, мамы и папы и старшие братья.

Ариэль.

Это стало его именем случайно. Он не читал книгу (Шекспир), ему рассказали. Женщина попала не туда, не туда, позвонила, думая, что продолжает разговор, внезапно прервавшийся. Она пересказывала «Бурю». Когда было названо имя, он положил трубку.

Ариэль.

Тогда Организация...

Был последний шанс уйти. Он думал: «Почему так? Все – люди. Почему? Если музыка, то оркестр умных с нотами на память, надсмехающихся. Если Бог, то служки, унижающие за свечу. Почему?»

Он не хотел быть это людское вещество с их добротой или возвышенностью, в которые заворачивали все то же яйцеобразное, жадное, свое. Он не знал, как это называется. Иногда ему казалось, что это как мужчины и женщины. А может быть, кто-то сказал ему в транспорте: «Власть есть пол».

Над, над, они все были над...

Фарисеи.

Микстура доброты.

А Ариэль – один.

Но Организация была зоркая. «Не замыкаться в себе, не замыкаться, не замыкаться, не за мы каться, не за мы каться, каться, каться... Неза мы!» Были правила игры, чего делать нельзя.

«Ах, ты хочешь – Ариэль? Хочешь – Ариэль?» – надменно и тайно усмехнулась Организация.

– Мы собрались здесь, чтобы собраться здесь! – Организация сказала.

– О да! – сказали ариэли.

– Вы дадите подписку, что не расскажете никому.

– Никогда, – поклялись ариэли и расписались поименно.

– Никогда, – поклялся Ариэль.

– А сейчас вы разобьетесь на звенья, по шесть, как сидите, отсчитывая справа, и в каждом звене будет предводитель, тот, кто самый левый.

И ариэли разбились, и Ариэль оказался самый левый.

– А теперь от края рассчитайтесь на «первый-второй». И первый и второй будут друзья.

И друг Ариэлю стал маленький горбатый человек с лицом козы, зоркий, как Пилат.

– Мы будем скоро учить, вы узнаете, но...

– О да, мы помним, – заволновались ариэли.

– А теперь пусть предводители поднимут руки.

И предводители подняли руки.

– Рассчитайтесь по шесть.

И предводители рассчитались.

– Пусть каждый шестой оставит руку наверху, – сказала Организация. – А другие могут опустить.

И оставшихся стало двенадцать. Был и Ариэль.

– Тебе повезло, – усмехнулся человек с лицом козы, друг Ариэля.

– Ты думаешь? – печально улыбнулся Ариэль.

Как же, ну как же, как же так, что снова вот так, опять они, близко, без промежутка, без, скажем, моторных лодок, в которые можно велосипедами или лодками моторными избавляться от чужих одинаковых сознаний, придумывающих одинаковую жизнь, ее распространяющих через эфир, волнами, волнами, с телебашен, а ведь все не так, все – для одного.

– Все для одного, – сказала Организация. – Все – для тебя.

– Но я не знаю, чего я хочу, – сказал Ариэль (это было еще в метро, до собрания, на котором Организация сказала, что они собрались здесь, чтобы собраться здесь). – Точнее, я знаю... а может, не знаю... когда-то я знал, но забыл... но я, я точно знаю, чего не хочу, я не хочу как все.

– Мучают тебя они? – улыбнулась Организация.

– Н-нет, не... – Ариэль покраснел. – Да... Да! – жарко признался.

– Вот видишь, тебе стало легче, – сказала Организация.

Он почувствовал, будто загорается переводная картинка, он хотел заплакать.

– Не плачь, – сказала Организация.

– Я Ариэль, – сказал он.

– Ариэль?

– Да.

– Ну... – усмехнулась Организация, – хорошо, Ариэль так Ариэль. Я научу.

– Летать?! – вскрикнул Ариэль.

Вниз по эскалаторам спускались еще люди людей. Колбаски длинные воздушных шаров были у некоторых в руках, не у всех. Длинные надувные колбаски с пустотой водорода внутри, блестящие длинные, нарядные, как угри, некоторые – свернутые узлами.

– Есть освобождение, – сказала Организация. – Пустота.

Ариэль молчал.

– А дальше – полет. Люди могут лететь. Приходи.

– Но я... я один, – засомневался Ариэль.

– Нет, нет, – ласково сказала Организация. – Не один. Когда много летят, то поле.

– Какое поле?

– Поле коллективное освобождения. Нас будет много, и мы освободим мир. Там, где мы, – уменьшается насилие. Насилие, понимаешь, становится все меньше и меньше, как будто оно удаляется в поезде, и оно наконец пропадает.

– А куда же оно пропадает?

– Оно исчезает в эфир.

– В эфир?

– Да, в эфир, волнами, – подтвердила Организация и зорко посмотрела в лицо Ариэлю, обегая взглядом юное его лицо, свежее и красивое (о, он был потрясающе красив!). – Но ты об этом не думай. Ты думай, что люди, что доброта. Там только скажешь тихо себе: «Лети...» И оторвешься. Узнаешь радость, узнаешь. Будет освобождение, приходи, – шептала Организация и приближала лицо свое к лицу Ариэля. – Волшебство... Все вокруг само собой начнет получаться, и будет исполнение желаний.

Организация коснулась Ариэлева лица, мучительно сдерживался Ариэль, он хотел, горячими слезами, как тяжело ему жить, и что решился однажды даже стать камнем, лишь бы не чувствовать, потому что все, почти все – мука и оскорбление (за что? за что?!), и в автобусе, и в троллейбусе, и в магазине и в трамвае... только когда один, в своей каморке или когда Queen, Фредди Меркюри.¹ И он хотел признаться еще, что камень, прессуя в себе память оскорблений, как уголь – мезозойские, забывая в твердости, отвердевая для того, чтобы однажды, овеществившись до конца, как мотопилы...

– Газ, газ, светящийся газ... – шептала Организация. – Ты будешь как светящийся газ, не плачь.

– Да, да, – шептал Ариэль благодарно.

– В среду предварительное собрание, – отстранила его лицо Организация и вытерла ему слезы, одной рукой по-отечески, а другой – по-матерински.

– Да, да...

Но насилие было. Насилие было упругое, как пространство. Человек с лицом козы был зоркий, как Пилат.

Они научились спускаться в пустоту, теряя тела и освобождая сознания. Учение было выше кучки учителей, канадцев. Учение было через, и оно не теряло своей чистоты. Канадцы прибыли на теплоходе из Мурманска, пробивались на юг, оставляя фирмы, в которых были организованы те, кто уже знал звук и кто мог летать. Канадцы распространяли агентов. Это были агенты, хорошо разговаривавшие по-русски.

В фойе Ариэль слышал:

– А как еще мы тебе можем дать знание, как не через ученичество?

– Через ученичество или через унижение? – спросил один.

Этого одного канадцы как-то попросили помыть пол.

– Через унижение, – ответил высокомерно канадец.

¹ Queen – Королева (англ.) – название рок-группы. Фредди Меркюри – солист, в 1992 г. умер от СПИДа.

– А я думал – через благодать.

Этот один ушел. Он не стал мыть пол. Один ушел. Ариэль остался. Ариэль хотел, чтобы все начало получаться само. И человек с лицом козы остался, человек с лицом козы хотел лететь, он был зоркий, как Пилат.

И вот, когда Ариэль уже мог достигать пустоты (без тела, когда уже можно было без тела, и когда мысль – лишь световая нитка, блик без следа, и нет оврагов, вырытых чужими, приближающими рты), снова позвонила женщина, снова случайно попав не туда. И словно она узнала молчание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.